

«... прошу не забыть, что есть у Вас друг»: Олаф Брок и Алексей Александрович Шахматов

Tamara Lönngren

Universitetet i Tromsø Norges Arktiske Universitet

tamara.lonngren@uit.no

Abstract

The article “... please do not forget that you have a friend”: *Olaf Broch and Aleksej Aleksandrovič Šachmatov* is based on archive materials containing hitherto unknown facts from the life of the Norwegian Slavist Olaf Broch. The article focuses primarily on aspects of Broch’s biography after the death of his colleague and friend, the Russian Academy member Aleksej Šachmatov. Fragments of the long-standing correspondence between Šachmatov’s elder sister Evgeniya Masalskaya-Surina and Professor Broch are published here for the first time. The article concludes with the entire text of Olaf Broch’s “From the memories of A. A. Šachmatov.”

Недавно российская лингвистическая общественность отметила 150-летие со дня рождения русского академика Алексея Александровича Шахматова. Наиболее масштабным юбилейным мероприятием представляется Международная научная конференция, организованная Российской Академией Наук, Институтом лингвистических исследований и Объединенным научным советом по общественным и гуманитарным наукам. Исходя из опубликованных тезисов, приблизительно половина докладов, прозвучавших на конференции (Материалы 2014), была посвящена научной деятельности А. А. Шахматова и отдельным сторонам его биографии. То, что ни в одном из этих выступлений не было упомянуто имя норвежского слависта Олафа Брока,¹ с которым русского академика связывало

¹ Олаф Брок (1867-1961) — норвежский славист, диалектолог, профессор славянских языков Универ-

плодотворное научное сотрудничество и многолетняя дружба, запечатленная в богатейшей переписке, продолжавшейся буквально до последних дней рано ушедшего из жизни академика, может объясняться определенной тематической направленностью докладов. Однако не поддается объяснению тот факт, что в докладе, непосредственно посвященном описанию фонда А. А. Шахматова (Прохоренко 2014: 207-210) в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской Академии Наук (СПбФРАН), ни слова не было сказано о том, что именно в этом фонде хранится 181 письмо Олафа Брока, адресованных русскому академику.² И это несмотря на то, что информация о том, что именно в этом фонде хранятся письма О. Брока к А. А. Шахматову, была размещена на прекрасной юбилейной выставке СПбФРАНЗ. Эти письма, объемом более 400 листов, содержат ценнейший материал, проливающий свет на неизвестные страницы биографии обоих ученых.

В Норвежской Национальной Библиотеке в Осло (NBiO), в архиве О. Брока (Olaf Broch, Brevs 337) хранится 106 писем русского академика к норвежскому коллеге. Переписка этих ученых никогда в полном объеме не изучалась и не издавалась, хотя публикация только трех отдельных писем А. А. Шахматова к О. Броку (Gallis 1867: 251-266) является бесспорным свидетельством того, что эпистолярное наследие этих ученых представляет собой богатейший материал не только по истории науки, но и по истории развития российско-норвежских научных связей в области славистики и нуждается во всестороннем изучении. Не менее ценный материал,

ситета Осло (1900-37), член Академии Наук Норвегии с 1896 года, в 1924-45 — генеральный ее секретарь. В 1916 году был избран членом-корреспондентом Петербургской академии наук (с 1917 — РАН, с 1925 — АН СССР), 23.6.1924 единогласно был избран членом Всеукраинской академии наук (из неопубликованного письма М. С. Грушевского к О. Броку от 23.6.1924). В 1949 году исключен из состава членов-корреспондентов Академии наук СССР за антисоветскую деятельность. Важнейшими сторонами научной деятельности Олафа Брока были исследования в области восточнославянской и сербской диалектологии, фонетики славянских языков. Среди русских славистов до сих пор пользуются большой популярностью его труды, написанные на русском языке (Брок 1899, 1907, 1910, 1916). Олаф Брок исследовал также смешанный язык норвежцев и русских поморов, руссенорск (Broch 1927, 1930). Свои впечатления о поездке в советскую Россию весной 1923 года изложил в книге *Proletariatets diktatur* (Broch 1923). Переводил с русского на норвежский не только произведения художественной литературы, но и статьи для газет и журналов. Сведения о жизни и научной деятельности О. Брока нашли отражение в материалах посвященного ему симпозиума (A Centenary of Slavic Studies in Norway 1998), а также в работах А. Галлиса (Gallis 1961), Э. Эгеберга, А. Галлиса (Egeberg, Gallis 1982), С. Мёнесланда

(https://nbl.snl.no/Olaf_Broch), Я. И. Бьернфлатена (Bjørnflaten 2012) и др.

² В работе Лённгрен 2015: 85, вслед за описью СПбФРАН, указано 183 письма. Допущенная неточность объясняется тем, что к письмам Брока к Шахматову ошибочно было причислено письмо В. Ягича к О. Броку от 15.10.1914, а также рекомендация, данная О. Броком И. К. Богомолу и приложенная к письму Брока, адресованному Шахматову, от 25.4.1902. Кроме того, в указанной работе по техническим причинам в сносках на первых двух страницах допущено много опечаток в норвежских словах (Лённгрен 2015: 82-83).

³ <http://ranar.spb.ru/rus/vystavki/id/564/>

содержащий малоизвестные факты из жизни двух ученых, но не привлечший до сих пор должного внимания исследователей,⁴ хранится в Отделе рукописей Российской Национальной Библиотеки (ОР РНБ), в фонде А. А. Шахматова.

В предлагаемой статье, основанной на архивных материалах, впервые будут опубликованы фрагменты из переписки двух ученых, но в основном речь пойдет о неизвестных фактах из жизни норвежского профессора Олафа Брока, имевших место после смерти его русского коллеги и друга. Также здесь будут представлены фрагменты писем Е. А. Масальской-Суриной,⁵ состоявшей в переписке с О. Броком в течение многих лет после смерти академика. Завершает работу публикация документа из ОР РНБ «Из воспоминаний о А. А. Шахматове» Олафа Брока.

Знакомство О. Брока с А. А. Шахматовым, очень быстро переросшее в настоящую дружбу, продолжавшуюся более тридцати лет, произошло в 1888 году, в Москве, куда годом раньше молодой норвежец приехал изучать русский язык. На протяжении трех десятилетий дружба-коллеги вели оживленную и очень содержательную переписку. В письмах до начала первой мировой войны велось интенсивное обсуждение вопросов, связанных с исследовательскими интересами молодых, талантливых и очень энергичных ученых, а также сообщались обычные житейские новости. Так, например, перед свадьбой Шахматов писал Броку⁶ и о делах научных, и о большом событии в личной жизни:

Рукопись Вашу получил и начал ее читать. Немного замедлит издание то обстоятельство, что Ляпунов⁷ задерживает присылку начатого им исследования о Новгородских грамотах, а это его исследование должно предшествовать в томе Вашему. Приписывайте только этому

⁴ Возможно, что именно об этом документе пишет В. А. Карелин (Карелин 2013: 7): «В Отделе рукописей РНБ выявлена рукопись статьи Брока, написанной весной 1917 года и посвященной его другу и учителю — академику Шахматову. Предназначенная для газеты, она так и осталась неопубликованной.» В библиографии указан рукописный источник (Карелин 2013: 14): РНБ ОР Ф. 346. Алексей Александрович Шахматов. Д. 13. Л. 1. (Из воспоминаний об А. А. Шахматове). В другой своей работе, посвященной указанному документу из ОР РНБ, В. А. Карелин (Карелин 2014: 151) пишет: «В Российской национальной библиотеке в Петербурге выявлен интересный документ, датированный летом революционного 1917 года, — рукопись статьи Олафа Брока, посвященной его русскому коллеге академику А. А. Шахматову.» В библиографии указан тот же рукописный источник, что и в предыдущей статье (Карелин 2014: 157): Отдел рукописей ОР РНБ. Ф. 346. Алексей Александрович Шахматов. Д. 13. Л. (Из воспоминаний об А. А. Шахматове). Вызывает недоумение датировка документа, утверждаемая В. А. Карелиным: в первом случае — это весна 1917 года, во втором — это лето того же 1917. В *Воспоминаниях* же говорится о покойном ученом, значит, они не могли быть написаны при жизни А. А. Шахматова, т.е. ранее конца августа 1920 года. Кроме того, на папке, в которой хранится этот документ, написано: «После 1920 года.» При обращении в ОР РНБ выяснилось, что в указанном в обеих работах В. А. Карелина фонде 346 хранятся документы не А. А. Шахматова, а Кёлера Эрнеста Иосифовича (1849-1907), флейтиста, композитора.

⁵ Евгения Александровна Масальская-Сурина, урожденная Шахматова, 1863-1940, старшая сестра академика Шахматова.

⁶ Здесь и далее: письма и цитаты из писем А. А. Шахматова к О. Броку приводятся по архивным материалам NBiO, Brevs 337. Воспроизведение текста осуществляется в современной орфографии, явные ошибки устранены, авторская пунктуация сохранена.

⁷ Ляпунов Борис Михайлович (1862-1943) российский языковед, славист.

обстоятельству возможную задержку, а отнюдь не новому событию в моей жизни, которое также заполонило мое время: 31 марта я женюсь на Нат[алье] Алекс[андровне] Градовской. Вы будете официально извещены о свадьбе, хотя я не могу надеяться, что Вы к нам сюда приедете. После свадьбы мы едем за границу и пробудем месяца два в славянских землях. До отъезда напишу.⁸

Мирная спокойная жизнь шла своим чередом, друзья поздравляли друг друга со счастливыми событиями в семейной жизни, делились семейными радостями:

Поздравляю Вас с рождением сына. Мне очень было приятно узнать, что Вы, точно как и я, теперь отец семейства, счастливый и довольный. Наша девочка прекрасная и здоровая: ей почти 9 месяцев, старается говорить уже, но пока только мычит.⁹

А. А. Шахматов писал норвежскому коллеге о своей научной работе, делился мыслями, высказывал предположения, сообщал о результатах своих научных изысканий:

До 1-ого июля доканчивал большое исследование о древних р[усских] летописях, а теперь составляю курс по истории рус[ского] языка, который буду читать с осени в университете. Приходится мне теперь перечитывать Ваши капитальные труды, которые так много внесли в нашу науку. Боюсь только, не очень ли специально я изложу свой предмет для начинающих студентов. Введение в курс я написал популярно, но как дошел до сути, то не могу отделаться от обычной научной аргументации.¹⁰ [...]

Сегодня была моя вступительная лекция в Университете. Именно это обстоятельство, точнее напряженная подготовка к курсу, заставила меня изучить Вашу последнюю работу. Честь Вам и слава за нее. И вместе с тем я живо сознал всю необходимость иметь вторую часть [так! — ТЛ] Вашего исследования для русской науки. Прошу Вас займитесь ей.¹¹

Но военное время внесло свои коррективы, и в письмах друзей-лингвистов, зачастую написанных убористым почерком на почтовых карточках с отметкой военной цензуры, все чаще стали появляться обоюдные просьбы о помощи военнопленным, поисках пропавших без вести и т. д.:

У меня к Вам две просьбы. Отклоните их, если они неудобноисполнимы. 1) Сообщите можно ли через Ваше посредство послать деньги одному военнопленному в Германии. 2) Не можете ли Вы через кого-нибудь из германцев узнать, значит ли в полку Сергей Сергеевич Вязовский, прапорщик 151-го Пятигорского пехотного полка, пропавший без вести после сражения 11/24 июля [...]. Это третий сын нашего священника, гибнущий в бою.¹²

⁸ Из письма А. А. Шахматова к О. Броку от 3.3.1896.

⁹ Из письма А. А. Шахматова к О. Броку от 28.9.1897.

¹⁰ Из письма А. А. Шахматова к О. Броку от 16.7.1908.

¹¹ Из письма А. А. Шахматова к О. Броку от 31.10.1908.

¹² Из письма А. А. Шахматова к О. Броку от 21.8.1915.

В письмах академика Шахматова, как в зеркале, отражались все тяготы и беды русской интеллигенции послереволюционной России. Он откровенно пишет своему норвежскому другу о голоде, тяготах и ужасах жизни в большевистском государстве:

Я виноват перед Вами за то, что редко писал Вам в последнее время, но на душе было в последние месяцы так невыносимо тяжело, что письменная беседа даже с близким и дорогим человеком казалась невозможной. Мы теперь уже допиваем чашу позора до дна.¹³
[...] Вообще мы голодаем [...]. В Саратове такой же скоро будет голод, как здесь, благодаря реквизициям и мудрому управлению. Решительно во всех городах России условия жизни становятся невыносимо тяжелыми, но и в сельских местностях, конечно, очень трудно. Не приложу ума, что нас выведет из того ужаса, который мы переживаем.¹⁴

В трудное послереволюционное время О. Брок всячески поддерживал своего русского друга. Письма русского дипломата-невозвращенца К. Н. Гулькевича¹⁵ к О. Броку свидетельствуют о том, что норвежский профессор, пользуясь своими широкими связями среди дипломатов, постоянно старался помочь и помогал, как мог, своему бедствующему коллеге:

Очень хотелось бы высвободить Шахматовых. Это сумасшествие, перебираться теперь в Петроград. Если хотите — и дадите кое-какие указания, где их найти там — попробую устроить их бегство из Петрограда. Невольно напрашивается восхваление Вас...¹⁶

[...] Относительно Шахматова: будьте спокойны. Каждый человек, который едет в Петроград, снабжается поручением «вырвать» его оттуда. Не теряю надежды, что это всё же удастся сделать. Должен Вас, однако, предупредить, что Ваше письмо о Шахматове попало к большевикам, которые переслали его мне (не читая, ибо на конверте не видны были следы вскрытия).¹⁷

[...] Хлопочу наладить помощь Шахматову. Надеюсь, что удастся не только посылать ему деньги, но и подкармливать их. Сообщу, как только бог поможет что-либо устроить.¹⁸

[...] Еду Шахматову устроил. Но из-за соображений «нейтралитета», я обязался словом, что никто об этом не должен знать. Следовательно, храните радостное для Вас

¹³ Из письма А. А. Шахматова к О. Броку от 24.7.1918.

¹⁴ Из письма А. А. Шахматова к О. Броку от 9.2.1919.

¹⁵ Гулькевич, Константин Николаевич (1865-1935) был видным российским дипломатом. С февраля 1915 по март 1917 года был российский посланником в Норвегии. С марта 1917 года был назначен Временным правительством послом в Швеции. В декабре 1917 года, декретом Льва Троцкого, как и остальные дипломаты, уволен со службы. В 1918 году К. М. Гулькевич продолжил работу российского посольства в Стокгольме, выполняя роль дипломатического представителя белогвардейских правительств в шведской столице. В 1921-24 годах он был неофициальным советником Ф. Нансена, а с 1924 года — представителем Парижского Совета бывших российских послов при Верховной комиссии. С 1928 по 1935 год занимал пост официального представителя Совета в Административном совете Комиссии. Умер в 1935 году в Лозанне.

¹⁶ Из письма К. Н. Гулькевича к О. Броку от 14.11.1918. Эти письма недавно были опубликованы (Памятники 2015), но получить книгу для работы оказалось совершенно невозможным, поэтому ссылки приводятся по рукописному источнику, а не по указанной публикации. Пользуясь случаем, хотела бы поблагодарить профессора Университета Тромсё К. А. Мюклебуст за любезно предоставленную возможность познакомиться с этой книгой.

¹⁷ Из письма К. Н. Гулькевича к О. Броку от 12.12.1918.

¹⁸ Из письма К. Н. Гулькевича к О. Броку от 12.4.1919.

событие в глубокой тайне. Подкармливать его будут одновременно с членами и служащими, оставшимися в Шведской Миссии в Петрограде.¹⁹

Олаф Брок, предлагая помощь, очень настойчиво приглашал и убеждал

А. А. Шахматова переехать в Норвегию:

Достигнув, наконец, связи с Вами, прошу Вас обдумать следующее. Пишу настоящее в двух экземплярах, отправляя один обыкновенным путем, другой при помощи миссии. Именно: смотрю очень мрачно на предстоящую России зиму; боюсь, что окажется Вам трудным, не только работать — кто может работать над наукой в такое время! — ни просто питать себя и семью. Если Вы разделяете мой взгляд, то прошу не забыть, что есть у Вас друг (и друзья — со мною Нина Ивановна!)²⁰ не забывающий все то, что Вы и Ваши оказали ему в былые времена. Дайте в случае знать, я выхлопочу — уверен в том — разрешение переехать сюда; а то, что мы имеем, будем делить с Вами, пробываясь таким образом до лучших дней.²¹

Но усилия норвежского друга уговорить А. А. Шахматова покинуть в трудное время Россию и переехать в Норвегию оказались тщетными, а трудности выживания — непреодолимыми для физически слабого, истощенного недоеданием и постоянным переутомлением организма русского академика. Кончину друга О. Брок переживал очень тяжело, глубокими чувствами утраты пронизаны его *Воспоминания...* Как следует из писем Е. А. Масальской-Суриной, сохранившихся в норвежском архиве среди незарегистрированных материалов,²² О. Брок на протяжении многих лет продолжал заботиться о семье покойного друга: постоянно откликался на просьбы сестры покойного, передавал письма, помог сохранить наследство для дочерей Шахматова, посылал деньги на свадьбу его старшей дочери Сони, оказывал материальную поддержку младшей дочери академика Кате, и т. д. Через год с небольшим после смерти брата Е. А. Масальская-Сурина писала О. Броку:

Опять с просьбой к Вам: я злоупотребляю Вашей любезностью! Присылаю письмо с просьбой его переслать пасынку моему. Но если Вас это затрудняет, если это же и стоит денег, подумайте — только благодаря Вам дети брата моего сохранили что-нибудь! Только благодаря вовремя поспевшим телегр[аммам], доверенности и письму, пасынку удалось после 3-х месяцев хлопот отстоять наши права на имение, которое иначе было бы конфисковано!²³

Еще одно письмо с благодарностью и новой просьбой сохранить деньги, вырученные за продажу наследственного имения, для дочерей покойного

¹⁹ Из письма К. Н. Гулькевича к О. Броку от 30.4.1919.

²⁰ Так русские друзья называли жену О. Брока норвежку Ninni Trampe Broch.

²¹ Из письма О. Брока к А. А. Шахматову от 9.6.1918: СПбФАРАН, ф. 134, оп. 3, д. 186, л. 441.

²² NBiO Brevs 337: из незарегистрированных материалов. См. об этом также Лённгрен 2015: 86-88.

²³ NBiO, Brevs 337, из незарегистрированного материала: из письма Е. А. Масальской-Суриной к О. Броку от 10.10.1921.

брата. Письмо не датировано, но из контекста ясно, что события происходят той же осенью 1921 года:

И вот опять пишу Димочке²⁴ через Вас. Не откажите, дорогой Олаф Иванович... И пошлите прилагаемое письмо Димочке в Гл[убокое] и Швон[ебаху]²⁵ в Вильну. Посылаю открытыми, чтобы Вы всегда могли их просмотреть.

В первом письме Вашем Вы опять приложили... [т.е. положил денег в конверт — ТЛ]. Я буду жаловаться Нине Ивановне, дорогой Олаф Иванович. Ведь я у Вас буду в таком долгу, что я никогда с Вами не расплачусь.

Шлю Вам от многих, многих русских друзей Ваших за память Вашу о России — благодарность, поклон и привет. Позвольте мне еще через некоторое время еще написать Диме насчет скорой поездки в Глубокое, а тогда у меня будет большая, большая просьба к Вам: сохранить то, что я смогу выручить от ликвидации части имения, поместив ли в банк или во что другое, сохранить для детей брата, п[отому] ч[то] переводить сюда, значит лишит их всего... Но об этом позже, а пока надо придумать, как поехать туда!.. А пока крепко целую Нину Ивановну и шлю Вам от себя и семьи брата самый искренний привет.

Следующее письмо с благодарностью Е. А. Масальской-Суриной, датированное 15 марта, но без указания года, относится, скорее всего, к 1923 году:

Прилагаю опять почту! Простите за хлопоты и труд. За пересылку же я надеюсь мои скоро возместят Вам... А теперь вся семья шлет Вам и Нине Ивановне самый искренний привет. Не забудьте к свадьбе 2-ой дочки²⁶ непременно сделайте подарок от нас... Наша 2-ая, хотя и старшая, как у Вас, может выйти замуж только [так! — ТЛ] благодаря Вашей заботе о доставке пересылаемых сумм... Иначе как могла бы она решить даже просто сшить себе хоть немножко белья? Теперь долл[ар] стоит гораздо дешевле. Вся свадьба и все приданное Сони стоило 150 долларов. Эта парочка тоже безумно счастлива и любят друг друга «все больше», если это возможно. 300 дол[аров] им отложено в капитал, и пока мне удавалось им выдавать с него %, что служит им большой поддержкой. Хотелось бы тоже устроить для Олечки, но свадьба и приданное ее будут дороже — из-за падения долл[ара] во-первых (после наступившей денежной реформы), во-вторых, для Сони мы могли еще кое-что найти в своих сундуках да и свадьба 2-ой, и сами «женихи» — все это как-то серьезнее и важнее... А вот что печально, что О[тец] Владим[ир], который венчал Соню, успел только в Сочельник благословить 2-ую пару... Он в числе заключенных 55 священников... И если не сошел с ума в тюрьме, то во всяком случае в таком нервном расстройстве, что на днях его перевезли в тюремную больницу. Мы все ужасно этим огорчены... Исход же ожидаем — ссылка или вечное заключение. За что?!.. О, ставлю точки, точки.....

Из сохранившейся семейной переписки²⁷ следует, что у А. А. Шахматова были очень близкие отношения со старшей сестрой Женей. Видимо, близость

²⁴ Дмитрий Викторович Масальский-Сурин (годы жизни пока не установлены), пасынок Е. А. Масальской-Суриной, сын ее мужа Виктора Адамовича Масальского-Сурина (1870-1916). В архиве О. Брока хранятся три письма от Д. В. Масальского-Сурина и одно письмо от Дмитрия Адамовича Масальского-Сурина (1872-1937), брата В. А. Масальского-Сурина.

²⁵ Как следует из письма Д. А. Масальского-Сурина к О. Броку от 6.1.1924, Ф. Ф. Швонебах был общим другом Шахматовых, Масальских-Суриных и Брока.

²⁶ В письме указан день и месяц, но не указан год, но поскольку речь идет о подарке ко дню свадьбы второй дочери О. Брока, Марианне, это происходило в 1923 году, т.к. свадьба состоялась 20 июля 1923 года, о чем речь идет в незарегистрированном письме К. М. Гулькевича к О. Броку от 27.7.1923: «Сегодня уже неделя, как Марианочка замужем! Я в прошлую субботу изрядно пил [...] за здоровье молодых & дорогих родителей & семью Марианочки.»

²⁷ СПБФАРАН, ф. 134, оп. 3, д. 930 и оп. 4, д. 56-57.

отношений брата и сестры стала причиной особо доверительных отношений Евгении Александровны и Олафа Брока, о чем свидетельствует не только их переписка, но и сохранившиеся среди незарегистрированных материалов в NBiO рукописные главы из *Воспоминаний о моем брате А. А. Шахматове* (Масальская 2012) в автографе Е. А. Масальской-Суриной.²⁸ И несмотря на то, что в предисловии к изданию 2012 года говорится, что издатели стремились «донести подлинный текст в максимально полном объеме» (Масальская 2012:8), выборочное ознакомление с отдельными листами рукописи позволяет предположить, что этот материал не вошел в указанную публикацию и нуждается в более пристальном изучении.

Вскоре после смерти А. А. Шахматова Олаф Брок дважды посетил Россию: о первом посещении, весной 1921 года, упоминается в письме Е. А. Масальской-Суриной, а по результатам второго, состоявшегося через два года, весной 1923 года, О. Брок написал книгу (Broch 1923). Как следует из его переписки с К. Н. Гулькевичем, в планы норвежского профессора не входило написание книги, он хотел ограничиться публикацией отдельных статей, но последовал совету опытного друга-дипломата:

Не знаю, как Вы отнесетесь, дорогой, к моей suggestion записать все [так! — ТЛ], что Вы видели, чувствовали, о чем догадывались в России, но не сообщали бы в газеты? Лучшее всего было бы написать книгу [так! — ТЛ] о том, чему Вы были свидетелем и т. д. И книга менее опасна в цензурном отношении, нежели простые статьи в газетах, на последние больше обращают внимания. А foredrag в Акад[емии] Наук или даже публичная лекция представляют ли и они опасность для оставшихся?²⁹

Однако впечатления О. Брока о советской России, опубликованные в форме книги, а не отдельных газетных статей, были настолько обличительными, что заставили заволноваться и принять срочные меры советского полпреда в Норвегии А. М. Коллонтай и «благодаря» бдительности и активной деятельности большевички-дипломата неприятные последствия бумерангом отразились на дальнейшей судьбе норвежского профессора:

Была, но будто удалась неприятность местного характера из-за профессора здешнего университета по славянским языкам Брока. Он съездил в Ленинград, повидал там, очевидно, брюзжащую публику старых профессоров и, вернувшись, написал пасквильную книгу о Советской России. Этого мало: он разослал ее по ряду средних школ Норвегии, о чем я узнала через моих друзей из «Арбейдербладет». Чтобы заклеить этот возмутительный поступок профессора Брока, «Арбейдербладет» (по уговору с моей приятельницей Рекель Грепп)³⁰ пошлет корреспондента к Эсмарку.

²⁸ Благодарю профессора Университета Тромсё К. А. Мюклебуст за присылку копий нескольких страниц из автографа *Воспоминаний* Е. А. Масальской-Суриной, хранящегося в NBiO среди неописанных архивных материалов.

²⁹ Brevs 337: из письма К. Н. Гулькевича к О. Броку от 27.7.1923.

³⁰ Rachel Catharina Helland Grepp (1879-1961), журналист и политик. В 1922-49 годах работала в газете *Arbeiderbladet*. Близкая подруга А. М. Коллонтай во время ее пребывания в Норвегии.

«Арбейдербладет» интервьюировал по этому поводу Эсмарка: допустимо ли, чтобы после признания Советской России, после установления дружеских отношений между странами, в школы поступали бы в качестве материала о стране явно враждебно-пропагандистские книги? (Этот запрос надо было сделать.) Эсмарк ответил, что норвежское правительство тут ни при чем, что книга разослана по частной инициативе профессора Брока. Но что МИД выражает свое искреннее сожаление по поводу такого нетактичного поступка по отношению к дружественной стране.

Правая печать, особенно «Афтонпостен», напустилась на Эсмарка, требовала чуть ли не его ухода за «покровительство» большевизму. [...] Послали письмо Эсмарку, в котором выражаем свое сожаление за неприятности, причиненные книгой Брока.

Вышло лучше, тактичнее, что в министерство иностранных дел обратились с протестом не мы, а «Арбейдербладет». Книга будет изъята из школьных библиотек.³¹

В архиве О. Брока сохранилось шесть писем советской посланницы к строптивому норвежскому профессору, но эти письма относятся к более позднему периоду, следовавшему после посещения России супругами Брок в 1928 году³². В организации этой профессорской поездки в Москву А. М. Коллонтай принимала самое непосредственное участие (Коллонтай 2001: 209-211) и результатами проделанной работы осталась чрезвычайно довольна:

Профессор Брок вернулся из Москвы в резко изменившемся настроении. Смеются, что он теперь «за большевиков». А какой был враг! И враг, имеющий здесь вес. Значит, я правильно поступила, что на свою ответственность (Максим Максимович³³ сказал: «Это на Ваше усмотрение») пустила его в Москву. Но, конечно, надо уметь в таких случаях «обставить» поездку. Устроила так, что даже кофе его беспощинно пропустили, и все прочее. «Мы жили великолепно, — всюду рассказывает Брок. — Советский Союз не узнать, стал другим, чем в 1925 году». Это маленькое, но все же достижение. Брок имеет влияние, с его мнением считаются.³⁴

Но в этих записях А. М. Коллонтай допускает неточность и, мягко говоря, выдает желаемое за действительное.³⁵ дело в том, что профессор Брок не мог свою поездку в 1928 году сравнивать с поездкой 1925 года, поскольку в 1925 году он в Россию не попал, хотя очень стремился и имел для этого все

³¹ Коллонтай 2001: 209.

³² Письма А. М. Коллонтай к О. Броку от 26.2.1929, 19.11.1932, 7.9.1933, 13.6.1937, 10.2.1940, 16.4.1946. Кроме того, сохранилось копии четырех писем О. Брока к А. М. Коллонтай от 7.2.1940, 14.2.1940, 4.2.1944, [число не указано].4.1946 — Brevs 337. Посылая письма советским политическим деятелям, О. Брок собственноручно снимал с этих писем копии. Именно благодаря этому, сохранились его письма не только к А. М. Коллонтай, но и к А. В. Луначарскому.

³³ Литвинов Максим Максимович (1876-1951), российский революционер, советский дипломат и государственный деятель. В 1921-30 годах он был заместителем наркома по иностранным делам РСФСР Г. В. Чичерина, а в 1930-36 годах — народным комиссаром по иностранным делам. Он был непосредственным начальником А. М. Коллонтай во время ее пребывания в Норвегии.

³⁴ Коллонтай (2001: 361).

³⁵ Как справедливо замечено в прекрасно изданной книге *Diplomatiske nedtegnelser 2015*: 77, записки А. М. Коллонтай не могут рассматриваться как надежный исторический источник, поскольку по жанру это не дневники, как это указано в названии русского и шведского изданий (*Дипломатические дневники 2001*; *Aleksandra Kollontajs dagböcker 2008*), а мемуары (*Diplomatiske nedtegnelser 2015*: 81), а в мемуарах, как известно, «участники событий никогда не помнят, что случилось на самом деле. Каждый конструирует воспоминания так, чтобы выглядеть в них пристойно, героически и, главное, чтобы всегда быть правым» (Зыгарь 2016: 5).

основания, но «благодаря» бдительности и стараниям советской посланницы и ее руководства поездка не состоялась.

Дело в том, что ровно через год после норвежской интриги Коллонтай, успешно для нее закончившейся изъятием из обращения «книги-пасквиля» Олафа Брока, неугодный строптивый норвежский профессор был избран представителем от Академии Наук Норвегии на общегосударственный праздник 200-летнего юбилея РАН, отмечающийся 5-14 сентября 1925 года. К этому юбилею большевики готовились основательно. В СПбФАРАН, среди доку-ментов *Комиссии по празднованию 200-летнего юбилея АН*, ф. 12, оп. 1, д. 8, л. 27, хранится письмо Олафа Брока от 9.6.1925 неперемому секретарю академии С. Ф. Ольденбургу. Как следует из эпистолярного наследия О. Брока, где сохранилось три письма С. Ф. Ольденбурга к нему, их связывали дружеские отношения, чем и может объясняться дружеский тон в письме норвежского профессора:

Глубокоуважаемый и дорогой Сергей Федорович,

Из прилагаемого ответа нашей Академии³⁶ увидите, что своим представителем она назначила — скажем: естественным образом — нашего брата. Не исключено, что и наш университет примкнет к такому выбору, избирая меня же. Было бы очень интересно получить таким образом случай заехать осенью к Вам и соучаствовать в юбилее Русской Академии.

Позвольте обратиться к Вам частным образом с вопросом. Очень возможно, что моя жена поедет со мною, если это не представляется слишком трудным и не встретится с "неодобрением" со стороны тех, которые несут тяжелую службу устройства и подготовки юбилея.

Представляя решение в последнем отношении Вам, прошу Вас объективно, с хорошо известной мне Вашей любезностью, заботиться о разрешении въезда и для моей жены, как случай. Если же считаете ее приезд неудобным, прошу Вас безо всяких церемоний сказать мне это.

Не знаю планов насчет размещения, но скажу, что был вообще очень доволен той гостиницей (Европейской?), где жил, как Вы может быть помните, весной 1923 года.

С дружеским поклоном преданный Вам Олаф Ив. Брок

Как только Олаф Брок сообщил С. Ф. Ольденбургу о своих планах принять участие в юбилее РАН, бдительная Коллонтай немедленно начала организовывать новую кампанию против норвежского ученого. И в организации очередной травли она не была одинока: большую помощь и поддержку оказал советскому полпреду ее прямой начальник прагматичный М. М. Литвинов. Но о том, что приезд О. Брока вызвал такое бурное негодование в Наркомате иностранных дел, ни С. Ф. Ольденбург, которому адресовал письмо О. Брок, ни другие члены юбилейной комиссии не знали и в плановом порядке готовили документы для приезда профессора Брока вместе с супругой. Из Кремля было получено согласие на приезд супругов Брок, о чем свидетельствует отметка на

³⁶ Письмо Академии Наук Норвегии от 9.6.1925 о кандидатуре О. Брока для участия в юбилее сохранилось в СПбФАРАН: ф. 12, оп. 1, д. 8, л. 96.

уже упомянутом выше письме Академии Наук Норвегии: «Согласие с женой. Канцелярия № 1802, 17.6.1925». Но несмотря на согласие Кремля, советские дипломаты сделали все, чтобы не допустить нового приезда норвежского ученого в СССР. Как следует из дневника жены С. Ф. Ольденбурга Е. Г. Ольденбург, ее муж был втянут в интригу, ничего об этом не зная и не подозревая:

У Сергея неприятность: в «Вечерней газете» помещено его интервью с сотрудником газеты по поводу приезда сюда профессора Б. (?),³⁷ что будто Сергей высказался против приезда этого белогвардейского профессора, потому что его приезд будет неприятен общественным сферам СССР. Завтра будет опровержение этого.³⁸

Узнав об этой публикации, Олаф Брок сам объявил об отказе присутствовать на «политическом празднике». Как было справедливо замечено в работе, появившейся после открытия доступа к архивам, норвежский профессор стал единственной жертвой НКВД-овской проверки, которой не простили критичных отзывов об СССР (Сорокина 2002: 135). «Дело Брока» стало не только испытанием большевистской методики «отказа», которая впоследствии постоянно находилась в арсенале советской власти, но и одним из первых примеров истинной преданности и любви иностранца к России, которой не в силах препятствовать никакой режим, в ней укоренившийся. И трудно спорить с определением высокого чувства О. Брока к России, высказанном знатоком человеческих душ, коллегой советских дипломатов, травивших О. Брока, дипломатом-невозвращенцем К. Н. Гулькевичем: «Остается только умилиться Вашей неизменной любви к России. Вы только и живете мыслью помочь ей. Если бы таких друзей у нее было больше...»³⁹

Олаф Брок «Из воспоминаний о А. А. Шахматове»

Публикация текста воспроизводится по документу, хранящемуся в Отделе рукописей Российской Национальной Библиотеки в Санкт-Петербурге. На папке, в которой находится документ, написано следующее:

Фонд 846

Единица хранения № 13

Архив: Шахматов А. А.

Брок Олаф Иванович

³⁷ Речь идет об Олафе Броке.

³⁸ Из дневника Е. Г. Ольденбург. *Источник*. 1999, № 6, с. 28-41: запись от 2.9.1925.

³⁹ Из письма К. М. Гулькевича к О. Броку от 29.8.1919.

Из воспоминаний о А. А. Шахматове.

Конец отсутствует. Рукописная копия. Наборный экземпляр. На обороте — другой вариант этих воспоминаний (конец), автограф.

Крайние даты: после 1920 г. Количество листов: 6.

Исследование внешнего вида документа свидетельствует о том, что текст *Воспоминаний*, написанный рукой Олафа Брока, помещался на семнадцати листах формата А4. Корректор, готовивший к печати наборный экземпляр *Воспоминаний*, текст не правил, а переписал его заново. Благодаря тому, что, видимо, в целях экономии бумаги для наборного экземпляра использовалась не новая бумага, а оборотная сторона оригинала, написанного Олафом Броком, сохранилось не только шесть листов автографа норвежского профессора, но и конец *Воспоминаний*, отсутствующий в наборном экземпляре, переписанном корректором, но сохранившийся на обратной стороне корректорского текста. Первый лист (илл. 1) корректор написал на оборотной стороне последнего, семнадцатого листа автографа Олафа Брока (илл. 2), а шестой (илл. 3) — на четырнадцатом листе автографа (илл. 4).

Несмотря на сохранившийся наборный экземпляр, опубликованы эти *Воспоминания* не были. Причина забвения такого замечательного произведения норвежского слависта о его друге и коллеге неизвестна, но, скорее всего, объяснение кроется в той травле со стороны советских дипломатов, которой был подвержен «славянский посол в Христиании»,⁴⁰ истинный друг России и проповедник ее культурных ценностей Олаф Брок.

Текст воспроизводится в современной орфографии, явные ошибки устранены, авторская пунктуация сохранена.

Мое первое знакомство с Ал. Ал. Шахматовым относится к 1888-му году. Летом 1887 года я приехал в Москву для изучения русского языка, а в начале 1888 года я отправился к Ф. Е. Коршу, к которому имел рекомендательное письмо от профессора Лундель (Упсала). Ф. Е. Корш познакомил меня с С. С. Слуцким, на которого возложил задачу познакомить меня «с нашим enfant rhéptoména! Алексеем Александровичем».

Точно не могу припомнить, где я встретился впервые с Ал. Ал.-чем. Помню, что более близкое знакомство наше началось на приемных вечерах у Ф. Ф. Фортунатова, для которого Ал. Ал. уже был в это время духовным сыном, или, лучше сказать, младшим братом.

Его нельзя было не заметить. Везде — у профессоров-учителей, в скромной кухоньской, после обеда возле самовара (по очереди у одного из товарищей по занятиям), на Сухаревой площади по воскресениям в погоне за книгами, в книгохранилищах Синодальной Библиотеки, Патриаршей Ризнице Румянцевского Музея, — везде и всюду Ал. Ал. как-то выделялся пред прочими, хотя в числе их был целый ряд выдающихся и интересных личностей. Назову рано умерших И. И. Козловского, Г. К. Ульянова, Б. М. Ляпунова, В. Е. Щепкина. Вскоре же наше знакомство с Ал. Ал. стало очень сердечным и

⁴⁰ СПбФАРАН, ф. 134, оп. 3, д. 186, л. 441 об.: из письма О. Брока к А. А. Шахматову от 9.6.1918: Наш дом стал «центральной бюро», и не только для русских, иные зовут меня «славянским послом в Христиании».

близким, несмотря на то, что он, сравнительно с другими, обладал некоторою сдержанностью при сближениях с новыми лицами.

В это время он был занят специальными исследованиями, но занятия не отдаляли его от товарищей. Около товарищеского самовара, в скромной, нередко крайне скудной и очень русской обстановке беседа касалась вечных вопросов — от неба до земли. И Ал. Ал. в этих беседах выделялся необычайной образованностью, углубленностью в своих мыслях, либеральностью в лучшем значении этого слова. В лингвистических и филологических вопросах все товарищи единодушно считали его бесспорно первым. Его ответы на филологические вопросы отличались меткостью, краткостью. Часто он даже был скуп на слова. Но за этой сдержанностью скрывались и большие знания, и любовь к науке. С глазу на глаз он мог говорить о своей специальности с любовью, подробно, охотно обучая и возбуждая внимание собеседника-ученика, — а так себя чувствовал собеседник! — к новым вопросам.

Скромен он был и во внешней жизни. Узнав, что Шахматов, хотя и не богат, все же поставлен экономически довольно хорошо, я сначала не хотел этому верить. В своей комнатке, в блаженной памяти «скворечнике» он жил более чем скромно. Вся меблировка состояла, в сущности, в грубых ящиках, в которых лежало его сокровище — книги. Кривой столик, свечка в бутылке, неопрятный Гриша для постановки необходимых самоваров, — вот обстановка. Все остальное было более или менее в том же стиле. Да и сам хозяин этой комнатки ходил в пальтишке уже довольно неопределенного цвета, в шапке, сквозь мех которой пробивалась вата. Он сам иногда подтрунивал над таким своим «франтовством». При работе в Кремлевских книгохранилищах его завтрак состоял в просфоре... и т. д. Такая чрезмерная скромность основывалась, конечно, на том, что мысли Ал. Ал. были заняты другими делами, высшими ценностями. Но едва ли это объяснит все. Я склонен видеть в такой особенности молодого Ал. Ал. черту аскетизма, доходившего у него иногда до самобичевания. Конечно, иностранцу трудно было проникнуть в тайники русской души, но помнится, — молодой Ал. Ал. при других случаях, когда это требовалось, напр., посещая вечера профессоров, отличался скорее изяществом.

—
Прошло два года. За это время дружба и научные сношения продолжались письменно. Но вот весной 1891 года я мог сообщить Ал. Ал., что собираюсь опять в Россию. Он поспешил ответить, что ждет меня на лето к себе в Саратовскую губернию, в свое имение Губаревку. Лишне говорить, с какой благодарностью и радостью я принял такое неожиданное для меня приглашение, обещающее познакомить меня с такими сторонами русской жизни, которые лишь в редких случаях удастся лично наблюдать иностранцу. Тем более — под руководством милого и умнейшего друга, решившего к этому времени посвятить часть жизни службе в родной местности, рискуя даже принести в жертву ту науку, которую он любил больше всего.

Какие личные побуждения заставили Ал. Ал. принять в это время место земского начальника, — я ни тогда, ни потом не узнал... и не слишком старался узнать. Мне стало скоро ясно, что Ал. Ал. считал свое удаление от науки лишь временным, притом вовсе не полным. При громадной своей работоспособности он мог с полным правом рассчитывать на возможность научных занятий, как только освоится с новой службой и овладеет ее техникой. Меня более интересовал вопрос, как смотрит Ал. Ал. на то дело, за которое он взялся, а также на то законодательство, с которым его новое положение было связано. Об этом мы говорили не раз. Для меня несомненно, что принципиально Ал. Ал. был противником того закона, считая его и ретроградным, и, несомненно, неудачным шагом правительства. Но он был убежден, что при честной воле можно работать на пользу народа и на таком месте. И он принял место земского начальника, тем более оно связывало его с родной местностью, а именно свою родную местность Ал. Ал. любил страстно.

И без колебания скажу, что если бы Россия получила в то время земских начальников таких качеств и взглядов, как Ал. Ал., то новый институт принес бы народу огромную пользу, какие бы ни были внутренние и внешние слабости в самом законодательстве. Не стану говорить о высоком чувстве долга и о широком проникновенном уме Ал. Ал., — эти его качества известны всем и видны во всех его работах. Скажу только, что Ал. Ал., как земский начальник — не знаю, сознательно или бессознательно — считал себя «слугаю» своего народа в самом высоком значении слова, — слугою, готовым жертвовать

собой и всем своим, и в то же время показывающим народу в личном примере и своими познаниями путь к лучшим условиям жизни, прогрессу — материальному и умственному. При обыденных административных работах, при судебном разбирательстве, на сельских сходах — всюду Ал. Ал. с рвением участвовал всюю своею богатой личностью. Он говорил с увлечением, убеждал сильными доводами, даже с жаром, но все это с непоколебимым достоинством образованного и до глубины души гуманного человека. Замашки «барина», «помещика», «дворянина» — были ему не только противны, а просто чужды. Что крестьяне невольно казались ему, — человеку умственно и нравственно высоко развитому — иногда очень отсталыми, иногда даже детьми, нуждающимися в указаниях молодого начальника, — это было естественно и иначе быть не могло. Но это лишь увеличивало его чувство ответственности по отношению к собственным словам и поступкам. И сколько я мог наблюдать, крестьяне его округа относились к нему с искренним доверием. Не раз меня сильно трогали их чистосердечные обращения к нему.

В лето 1891 года дел было особенно много. Не только надо было знакомиться с новой должностью, ознакомлять население с новыми порядками, но много приходилось работать ввиду грозившего страшными бедствиями неурожая: первым делом надо было обеспечить население озимую рожью, устроить пропитание бедствующих и т. д.

Ал. Ал. работал с огромной энергией, иногда день и ночь. Он объезжал деревни, где заставлял организовываться, выбирать уполномоченных; устраивал пробы годности посевных семян. И для этой работы на население он привлекал всех, кому только доверял. Помню свое смущение, когда он вдруг оставил меня, молодого иностранца, в уездном городе Петровске (на реке Медведице) одного с деньгами и представителями крестьян для закупки семенной ржи. Но Ал. Ал. не ограничивался только «нужными» делами, — это его не удовлетворило бы, особенно в заботах о поднятии культурного уровня. С первой же минуты и с очевидным даже нетерпением он обращает свое внимание на народное образование. В этой области он был особенно на месте и самим собой. Я имел случай наблюдать это на сельских сходах. Его трезво-практические, но прямо и искренне одушевленные слова производили на меня глубокое впечатление. Когда он, окруженный мужиками, освещал им выгоды школы, — прежде всего сокращение лет военной службы, — зывал к старикам и предлагал лично покрывать большую часть издержек, — в такие минуты его невидимая фигура как будто выростала. Его глубокая убежденность умела умиливать слушателя, и он достигал цели. Борьбу против другого рода «власти тьмы» — против нехороших остатков старины — мы имели возможность наблюдать, когда в Губаревку являлись крестьяне по своим делам, — особенно бабы. Как они не были часто бедны, а являться с пустыми руками им, очевидно, было непривычно и трудно было отстать от «обычая». И являлись: у кого висит корзинка с яйцами, у кого — сидит утка под рукой... Против таких привычек Ал. Ал. протестовал до гнева, до слез; мог даже дойти до проповедничества, объясняя серому люду обязанности и честь должностного лица, а самому народу подобающее понимание своего права и достоинства. Удавалось ли ему всегда убедить — не берусь сказать: при развитости одной части населения было много и тупости, и отсталости. Но практические результаты деятельности показывали, что взгляды нового земского начальника имели последствия. И это нисколько не уменьшало доверия к нему, добрых отношений, уверенности крестьян получить в Губаревке искренний и добрый совет. Уверенность в нем была такова, что приходившие в его отсутствие из Губаревки излагали свои просьбы нам, жителям усадьбы, и уходили спокойные за свои нужды.

Из всего сказанного о взглядах Ал. Ал. на право и достоинство народа, о его гуманности ясно, что он был по природе противником телесного наказания и всякого вообще насильственного и грубого отношения к населению со стороны власти. В разговорах Ал. Ал. резко отрицал даже возможность какой-либо пользы от таких приемов, и сельским, и волостным старостам давал внушительно понять свое мнение об этом. Наоборот, в его программу входило старание смягчить права и отношения между крестьянами. Живо помню его сердечные и настойчивые попытки уговаривать односельчан не пользоваться правом выселять путем приговора в Сибирь тех несчастных, которые навлекли на себя негодование сельского мира. Ал. Ал. зывал к состраданию, к чувству ответственности за ближнего. Да, в таких случаях особенно он был сеятелем слова, давшим плод восходящ и растущ.

Телосложение Ал. Ал. было, как известно, не крепкое. Но тем сильнее была воля и характер. Щадить себя — было не в его характере. Можно в нем было найти обратное. Помню, как в один день, в сильнейшую жару, после утомительных разъездов и усиленной работы, Ал. Ал. возвращался из конторы домой к обеду и чтобы отдохнуть. На горизонте

показался дым, видимо, от пожара в одной из деревень его участка. Никакие убеждения не могли удержать Ал. Ал-ча. Вся усталось как будто прошла. Он даже не поел. Придя домой, он бросился на оседланную лошадь и ускакал. Вернулся он только к ночи, шатающийся от усталости, но довольный и счастливый. Конечно, его присутствие в горячей деревне не было особенно важно при борьбе с таким стихийным бедствием, как пожар в русской деревне. Трудно в таких условиях совершать подвиги. Но сознание исполненного нравственного долга давало полное удовлетворение, даже как будто наслаждение чрезмерным утомлением искренним в пользу других.

Постоянные разъезды для ознакомления с округом, для выяснения вопросов службы на месте и вообще по делам были по сердцу Ал. Ал-чу, особенно в этот период его деятельности. Очень любил он эти поездки использовать и для расширения познаний иностранного гостя своего. Филология, правда, оставалась в загоне. Все наше внимание было поглощено конкретными впечатлениями и вопросами окружающей нас природы. О материальных нуждах при поездках мы совсем не заботились. Лишь одна роскошь сопутствовала нам в деревнях: мы имели «свой чай», даже любимой марки Ал. Ал-ча (сколько помню: «Перлова»). Но тем богаче и незабвеннее были умственные наслаждения: наслаждения красотой степной природы, наблюдения над нравами и обычаями народа; для меня же особенно: беседы с добрейшим и умнейшим другом под ясным солнцем и высоким небом Саратовского края — и это в самый впечатлительный период молодых лет.

Ал. Ал. в это время еще не был женат.⁴¹ С ним в усадьбе жили его тетка Ольга Николаевна Шахматова, «мать» семьи, и его две сестры. Приезжали родные и друзья, царило то настоящее гостеприимство, при котором каждый гость чувствует себя свободным, независимым, а тем сильнее радуется тем часам, когда все собираются для взаимного обмена мыслей и впечатлений, — такое гостеприимство, которое вряд ли где существовало в более привлекательных, красивых, даже изящных формах, чем в культурных семьях бывшей русской деревни.

В чудные южные вечера вся Губаревщина собиралась около самовара, гуляла по прелестному парку, или скорее лесному оврагу, «Дарьялу» покойного ученого. Неустанный хор лягушек в прудах, залает собака на луну в тихой спящей деревне по ту сторону ручья, дребезжит клепало ночного строжа — а мы все ждем вечно занятого хозяина. И вот наконец вдали колокольчик — да, он. Наконец и ему краткий отдых в кругу своих — чтобы в следующее утро раньше всех других взяться опять за работу.

В юноше-студенте, в молодом земском начальнике уже горел тот никогда не догорающий в нем святой огонь, который отличал и маститого, благороднейшего академика. Как он был в дореволюционной, так он остался и для будущей, возрожденной России маяком ее умственной жизни: пусть русская молодежь, ученая и неученая, возьмет свое направление по нему — она не ошибется.

Источники

NBiO, Olaf Broch, Brevs 337.

ОР РНБ, фонд 846, единица хранения 13.

СПбФАРАН: фонд 12, опись 1, дело 8.

СПбФАРАН, фонд 134, опись 3, дело 186 и 930; опись 4, дело 56-57.

⁴¹ Здесь заканчивается текст наборного экземпляра. Далее текст воспроизводится по автографу Олафа Брока в современной орфографии.

Библиография

- A Centenary of Slavonic Studies in Norway 1998: *A Centenary of Slavonic Studies in Norway. The Olaf Broch Symposium*. Eds. Eds. Jan Ivar Bjørnflaten, Geir Kjetsaa, Terje Mathiassen. The Norwegian Academy of Science and Letters. Oslo. 254 P.
- Aleksandra Kollontajs dagböcker 2008: *Aleksandra Kollontajs dagböcker 1930-1940*, med förord av Krister Wahlbäck, Stockholm. 726 S.
- Bjørnflaten, J. I. 2012. Из истории славистики в Норвегии: о переписке иностранных славистов с профессором Олафом Броком. *Slavica Litteraria. Supplementum 2*. Brno. С. 61- 68.
- Broch, O. 1923. *Proletariatets diktatur. Set og tænkt fra forsommeren 1923*. Kristiania. 195 S.
- Broch, O. 1927. Russenorsk. *Archiv für slavische Philologie*, № 41. S. 209-262.
- Broch, O. 1930. Russenorsk tekstmateriale. *Maal og minne*. Oslo. S. 113-140.
- Diplomatiske nedtegnelser 2015: Kollontaj, A. M. *Diplomatiske nedtegnelser 1922-1930*, red. Åsmund Egge, Sven G. Holmsmark og A. Komarov, Oslo. 842 S.
- Gallis, A. 1961. Professor Olaf Broch zum Gedächtnis (1867–1961). *Scando-Slavica*. Tomus VII. S. 327-332.
- Gallis, A. 1967. 1867 – Olaf Broch – 1967. *Scando-Slavica*. Tomus XIII. S. 251-266.
- Egeberg, E., Gallis, A. 1982. Slavistikkens historie i Norge. En oversikt. *Meddelelser*, № 30. Oslo. 27 S.
- Брок, О. (Broch, O.) 1899. Угрорусское наречие села Убли (Земплинского коми-тата). *Издание Отделения русского языка и словесности. Исследования по русскому языку. II*. Санкт-Петербург. 117 С.
- Брок, О. (Broch, O.) 1907. Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда. *Сборник Отделения русского языка и словесности*. Т. 83, № 4. Санкт-Петербург. 151 С.
- Брок, О. (Broch, O.) 1910. Очерк физиологии славянской речи. *Энциклопедия славянской филологии*. Вып. 5:2. Под ред. Ягича И. В. Издание Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. Санкт-Петербург. 262 С.
- Брок, О. (Broch, O.) 1916. Говоры к западу от Мосальска. (С картой). Петроград. 128 С.
- Зыгарь, М. 2016. *Вся кремлевская рать. Краткая история современной России*. Москва. 407 С.⁴²
- Карелин, В. А. 2013. Профессор Олаф Брок — «агент» русского влияния в Норвегии? (из истории русско-норвежских культурных и общественно-политических связей начала XX столетия). *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. Вып. 1. С. 5-15.
- Карелин, В. А. 2014. Новый источник по истории российско-норвежских общественных связей рубежа XIX-XX веков: письма профессора-слависта

⁴² Книга вышла в 2015 году, но на титульном листе указан 2016 год.

- Олафа Брока академику А. А. Шахматову (1889-1919). *Скандинавские чтения 2012 г.: Этнографические и культурно-исторические аспекты*. СПб. Электронная публикация. С. 151-157.
- Коллонтай, А. М. 2001. *Дипломатические дневники. 1922-1940*. Том 1. Москва. 527 С.
- Лённгрен, Т. П. 2015. «Друг и помощник человечества»: переписка норвежского слависта Олафа Брока. *Вестник Альянс-Архео*. Вып.12. Москва, Санкт-Петербург. Электронная публикация. С. 82-97.
- Материалы 2014: *Материалы Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения академика А. А. Шахматова*. Санкт-Петербург. 255 С.
- Масальская-Сурина, Е. А. 2012. *Воспоминания о моем брате А. А. Шахматове*. Москва. 599 С.
- Памятники 2015: *Памятники эпохи русской революции и гражданской войны: Письма дипломата Константина Николаевича Гулькевича норвежскому другу профессору Олафу Броку (1916-1923)*. Мурманск. 241 С.
- Прохоренко, Н. С. 2014. Обзор фонда А. А. Шахматова в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. *Материалы Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения академика А. А. Шахматова*. Санкт-Петербург. С. 207-210.
- Сорокина, М. Ю. 1999. «Мы не нищие...»: Из дневника Е. Г. Ольденбург. *Источник*. № 6. С. 28-41.
- Сорокина, М. Ю. 2002. Архивы дипломатических ведомств как источник по социальной истории науки. *Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе. Доклады и сообщения на 4-ой Всероссийской конференции 24-25 апреля 2002 г.* Москва. С. 129-135.

17.
Своими талантами же горла той же
не догравший в нем святой отец, ко-
торый отменял и маститого, благ-
городнейшего академика. Как он был
в дореволюционный, так он оставался
и для Сидричей, возрожденной России
младомесячной: пусть
русская молодежь, утренняя и вечерняя,
возьмет ~~свое направление~~ свое направление
по нему — она не ошибется.

Олаф Брок.

Иллюстрация 2.

сти за бы Гилкину. Да, в такой сумраке особенно он был слышен
слова, давшие повод воспоминаниям и расстройству.

Темнопомение А.А. было, как известно, не крепкое. Но тем
сильнее были воля и характер. Угадывать себя - было не в его характере.
Можно в нем было найти истрайство. Только, как в один день,
в сильнейшую жару, после утомительных разговоров и целительной
работы, А.А. возвращаясь из конторы домой к обеду и глотая
сидорчицу. На горизонте показались горы, видимо, они камары в
сторону из деревни его урасика. Никакие убеждения не могли
удержать А.А.-га. ~~Все~~ Все усталость как будто прошла. Он
даже не поел. Придя домой, он ~~сразу~~ сразу
тронулся на оседланном лошади и уехал. Вернулся он
только к ногам, шатающийся от усталости, но довольный и
счастливым. Конечно, его присутствие в рабочей деревне не было
особенно важно при борьбе с таким стиранным бедствием,
как пожар в русской деревне. Трудно в такой усталости сообра-
жать познания. Но значение неопытного правительственного долга
дало полное удовлетворение, даже как будто неопытное
предметом утомления искренним в контору друзей.

Постоянные разговоры из знакомства с округом, из
владельцев вопросов сумрака на месяце и вообще по делам были
по сердцу А.А.-гу, особенно в этот период его деятельности
сти. Очень любил он эти поездки и походы и из расши-
рения познаний иностранного мира своего. Усталость, правда,
ослабала в законе. Все наше внимание было направлено
конкретными владениями и вопросами окружающих нас
природы. О материальном и умном при поездках мы совсем
не забывали. А лишь одна роскошь сопровождала нас в деревнях:
мы имели свои чай, даже любимые марки А.А.-га (силь-
но помню: "Периоба"). Но тем богаче и незабвеннее были эти
сабеламе каскадские: каскадские красотой стирной при-
роды, наблюдения над нравами и обычаями народа; из них
же особенно: ~~Беседа~~ Беседа с добрейшим и чужестранцем друзей
под лентым солнцем и высоким небом Саратовского края -
и это в самые владениями стирной природой милой
А.А. в это время еще не был женой. В усталости мы

57 6

Иллюстрация 3.

14.
Даль на пути от котиторы гюль и кону-
шайт и отдохнуть — а там видели были
на подсолонке, видели от котиторы в одну
из его деревень. ~~Вам известно, какое слово~~
~~отвечает в русской деревне~~, дикая уйма делов
не могли удерживать Алексея Александровича,
даже похитили от себя не позволили — все
устало как будто сметена, маленькая,
~~французка~~ французка просится в село
и черкаивает. От вернулось только к ногам,
измученный, пробо малютки от усталости,
но довольный, почти ^{счастливый} радостный. Не то что
его присутствие в русской деревне значило
так много — пробы такого стилизованного
Александровича, как котиторы в русской деревне, перу-
но совершили подвиг — по сознанию ис-
полненного ^{крайней} «долга» позволяло ему даже
как будто наслаждаться содружества
через порывы утоления, перенесены
во пользу дружи.

Г. это А. А. со-
знавал лучше
много дружию

Постоянное радуга, для ознакомле-
ния с сервом, для выяснения вопросов ка-
мента, и по великим водам далам, там очень
по сердцу Алексея Александровича, по крайней

Иллюстрация 4.